

РЕЦЕНЗИИ

Система и структура языка в свете марксистско-ленинской методологии. Отв. ред. Перебийнос В. И. — Киев: Наукова думка, 1981. 204 с.

Разработке философских проблем языкознания всегда уделялось определенное внимание. Но особую актуальность эти проблемы приобретают в современном языкознании, переживающем новый этап в становлении своих теоретических основ. Поэтому появление работы, в которой авторы взяли на себя нелегкую задачу «осветить актуальные вопросы общего языкознания с позиций марксистско-ленинской диалектики», в принципе можно только приветствовать.

Рецензируемый сборник состоит из четырех разделов. Первый раздел, посвященный общим философским вопросам языкознания, написан философам, остальные три, касающиеся конкретных лингвистических проблем с выходом в философские категории, написаны лингвистами.

В первом разделе («Диалектический материализм и лингвистические исследования», с. 3—24) С. А. Васильев пишет, что диалектический материализм должен проявляться в лингвистических исследованиях в трех аспектах: 1) как научная методология познания, 2) как требование полноты охвата свойств и отношений единиц исследования, 3) в эвристической функции, состоящей «в оценке полноты системы методов». Но забота о методах своей науки не должна исключать интереса к теории. Чтобы создать такую теорию, уже невозможно оставаться в рамках самой лингвистики — необходимо опираться на определенные философские принципы как на свое последнее основание. Выход за пределы лингвистики и обращение к философии продиктованы также тем, что в своих исследованиях лингвисты пользуются такими философскими категориями, как система, структура, функция, качество, количество, форма, содержание, причина и др. Синтез языкознания и философии, по мнению С. А. Васильева, даст возможность создать достаточно общую лингвистическую теорию, которая решала бы ряд принципиальных вопросов относительно взаимосвязи языка, речи и мышления. По мнению С. А. Васильева, особенности соотношения марксистско-ленинской философии и лингвистики заключаются в своеобразии лингвистики по сравнению с объектами естественных наук (физики, химии, биологии): язык — не природное образование, он возник лишь вместе с человеческим обществом. Отсюда — необходимость анализа человеческой деятельности как основы всех социально значимых свойств и способно-

стей человека, в том числе и «языковых способностей». Тем самым мы вступаем в сферу интересов и задач диалектического материализма.

Во втором разделе («Система и структура языка и речи в свете марксистско-ленинской методологии», с. 25—84), состоящем из четырех статей, демонстрируется системный подход к анализу «графемной» структуры односложных слов и дается схема теоретически возможных вариантов сочетаемости согласных и гласных (Н. И. Заплаткина), рассматривается (в статье Н. С. Афанасьевой) соотношение философских категорий формы и содержания на примерах морфемы, слова, фразы и делается вывод, что значение этих единиц можно познать через их лингвистическую форму (? — К. А.). Соотношение философских категорий части и целого И. Ф. Савченко усматривает в соотношении «среза» языка (парадигматика и синтагматика) и его единиц, а также уровня языка и его единиц. Соотношение философских категорий симметрии — асимметрии в языке проявляется, по мнению М. П. Муравичкой и Л. Л. Слипченко, в виде симметричного или асимметричного чередования («гласный — согласный» в одноморфемных словоформах, а также как одно-однозначное и много-многозначное соотношение между означающим и означаемым).

В третьем разделе («Категории возможности и действительности как проявление системности языка», с. 85—156), состоящем из пяти статей, прежде всего отмечается, что философские категории возможности и действительности проявляются как потенциальное и реализованное в историческом развитии языка, а также в его синхронной системе при моделировании единиц (в самой модели содержатся реализованное и потенциальное в виде «пустых клеточек» — Н. Ф. Клименко). Эти же категории находят свое выражение в языке, как считает Л. И. Комарова, в системе фонем и в системе флексий существительных и ее реализации, а по мнению И. Ю. Вербенко, — как возможность, существующая в системе фонем, и как возможность проявления элементов этой системы в тексте. Рассматривая те же категории в языке на словообразовательном уровне, Н. Ф. Клименко видит их в форме «осуществленных» и «возможных» слов, причем последние подразделяются на «неосуществленные» (не реализованные в речи) и «неосуществимые» (не способные появиться в языке) слова.

Неясно, однако, как «возможные» слова становятся «неосуществимыми». Философские категории возможности и действительности находят воплощение и в синтаксисе, проявляясь, как считает В. И. Критская, в одном и том же предложении в виде двух синтаксических единиц — единицы языка и единицы текста.

В четвертом разделе («Соотношение категорий количества и качества в системе языка», с. 157—201) содержится три статьи. Соотношение философских категорий качества и количества описывается как с онтологической (степенные количественные изменения приводят к качественным изменениям в языке), так и с методологической точек зрения (от языка к теории лингвистики — Л. М. Гриднева). Две последние статьи посвящены статистическим методам исследования в рамках одного языка и в рамках типологических исследований языков (Т. А. Грязнухина), а также в стилистике (Н. П. Дарчук).

В сборнике поставлен ряд важных философских, методологических и общелингвистических проблем, но не все они решаются удовлетворительно.

1) Что касается освещения отдельных философских проблем языкознания, то решение двух главных из них — определение сущности языка и связанной с нею трактовки некоторых аспектов соотношения языка и мышления — для диалектико-материалистического языкознания не может считаться приемлемым.

а) Положения Н. С. Афанасьевой, согласно которым «язык, отражая бесконечно познаваемый мир, не может быть конечным» (с. 51), «естественные языки являются своеобразными моделями окружающего нас мира» (с. 52), а взаимосвязанность предметов и отношений действительности детерминирует взаимообусловленность между значениями слов (с. 54), не оставляют никакого сомнения в том, что, во-первых, здесь допускается мысль, будто каждой вещи соответствует одно слово, каждому отношению — одно слово или одна грамматическая морфема, т. е. между миром вещей и языком существуют изоморфные отношения. Язык, таким образом, представляется указанному автору в виде дорожных (более широко: «вещных») знаков. Во-вторых, если, далее, принять это положение Н. С. Афанасьевой, то окажется, что принципиально невозможно было бы овладеть языком и владеть им, т. е. язык нельзя было бы признать средством абстрактного отражения бесконечности опыта и обмена мыслями ввиду ограниченности человеческой памяти. В-третьих, рассматривать язык как «бесконечное» в силу бесконечности мира, как «модель мира» — значит приписывать языку свойство жестко и однозначно отражать реальную действительность. Такое понимание языка автоматически приводит к отрицанию его гибкости, приспособляемости к любой ситуации, которые обеспечиваются его структурным «устройством». Утверждая, что язык «не может быть конечным», Н. С. Афанасьева в своих воззрениях смыкается с

Н. Хомским. Для последнего язык — «сумма правильных предложений», которая тоже не может быть конечной. И в том, и в другом случае — полное отождествление «языка» и «речевых произведений», что не одно и то же. В четвертых, если утверждается «жесткая», прямая, непосредственная связь языка и действительности, то постулируется соотношение «действительность — язык» вместо соотношения «действительность — мышление — язык», где мышление, с точки зрения упомянутой концепции, или опускается, или отождествляется с языком. Это, в свою очередь, ведет к отрицанию диалектического взаимодействия между языком и действительностью, состоящего в том, что язык, будучи детерминированным внешним миром, связан с ним через мышление. Поэтому язык является относительно самостоятельной системой [см. 1, с. 33; 2, с. 48, 108], вследствие чего он обладает способностью выражать любое мыслимое содержание, в том числе и такое, которое не находит отражения в реальной действительности. Наконец, тезис о том, что «язык — модель мира», в связи с известным нам фактом существования более трех тысяч языков предполагает существование такого же количества окружающих нас миров.

б) «Одной из фундаментальных гипотез современного языкознания, — считает С. А. Васильев, — является положение о том, что язык представляет собой знаковую систему, в основе которой лежит структура взаимосвязи элементов» (с. 9). Однако определить сущность языка таким образом — значит определить его неполно, односторонне и, по существу, неверно. Этот тезис предполагает, что языковые явления — результат тех отношений, в которых они находятся друг к другу. Абсолютизируя отношения, С. А. Васильев выдает вторичное за первичное. Подобное понимание природы языка в философском аспекте есть не что иное, как дань антисубстанционализму, релятивизму как «одной из разновидностей идеализма» [2, с. 65], провозгласившему первичность отношений и вторичность субстанции. На самом же деле все материальные элементы системы языка (знаки), находясь в определенных связях друг с другом, соотношены в то же время с абстрактным мышлением, а это последнее — с реальной действительностью. Если же это соотношение рассматривать со стороны мышления, то мы увидим, что мышление соотносено с реальной действительностью через «посредник между познающим субъектом и познаваемым объектом» [3, с. 27], т. е. через материальную сторону языковых единиц, выступающих как знаки определенных идеальных образов. Значит, непосредственно соотносены друг с другом не мышление и действительность, не знак («система знаков») и действительность, а мышление и знак (что, собственно, и «делает человека человеком»). Следовательно, о языке как о «системе знаков» можно говорить, как нам кажется, лишь в том смысле, что в основе этой системы лежит не только «структура взаимосвязей

элементов», не только «реляционный каркас» (наличие этого последнего ни в коем случае нельзя отрицать, ибо он является очень существенным признаком языка, обеспечивающим его гибкость, «приспособляемость»), но и ее соотносительность с идеальным, духовным — с мышлением, которое не является знакомым. При определении же языка как системы знаков в рецензируемом сборнике язык вводится в «абсолют», провозглашается «своеобразная магия языка» [4].

в) В основе тезиса С. А. Васильева о том, что «лингвист, имея текст и пользуясь методом дистрибутивного анализа, может восстановить язык, на котором этот текст написан» (с. 17), лежит тот же релятивистский подход к языку, согласно которому языковые единицы целиком определяются теми отношениями, в которых они находятся, т. е. синтагматическими отношениями. Понимание языка как сети отношений противоречит одному из основных положений марксистско-ленинской философии, согласно которому объективно существующие отношения суть всегда отношения вещей [5, 6]. Считать свойством языка его реляционный характер — значит постулировать принцип имманентности языка, отрицать взаимодействие языка с мышлением и с внеязыковой действительностью, надеяться язык независимым от человека существованием. Идя этим путем, мы приходим к уже известному из истории языкознания американскому (гипотеза Сепира-Уорфа) и европейскому (Л. Вайсгербер) неогумбольдтианству: язык рассматривается не как орудие абстрактного мышления и познания, а как нечто, определяющее характер мышления и, следовательно, результаты познания человеком окружающего мира. Язык как «знаковая система» имеет и идеальную сторону. Но существует она, в основном, не в силу отношений языковой единицы с другими единицами, а имеет ту же онтологическую природу, что и содержание абстрактного мышления.

г) Думается, что неверное понимание сущности языка не в последнюю очередь предопределено смещением акцентов в соотношении «язык — мышление — действительность». Точка зрения С. А. Васильева, согласно которой «общих понятий причинности, действия, качества, количества» и др. не существовало в «общественном сознании примитивного человеческого коллектива», т. е. исследования языка первобытных племен не обнаружили у них слов, выражающих эти понятия (с. 18), смыкается с точкой зрения Л. Леви-Брюля, Н. Я. Марра. Последние считали мышление первобытных народов «дологическим» мышлением, лишенным абстрактных, отвлеченных понятий. Л. Вайсгербер утверждал, что существуют лишь те понятия, которые закреплены за отдельными языковыми единицами. Но, во-первых, Л. Леви-Брюль, говоря об особых типах мышления, о нарушении формально-логических законов мышления, фактически имел в виду не сложившуюся у первобытного человека систему понятий, «а лишь систему понятий современного человека,

более адекватно отразившую объективную действительность» [см. 1, с. 119]. Во-вторых, уже изготовление человеком простейших орудий, в отличие от животных, связано с обязательным отвлечением от непосредственного созерцания действительности и развитием абстрактного мышления [см. 7]. В-третьих, отсутствие того или иного слова или формы в языке еще не означает отсутствия соответствующего понятия в сознании людей [8]. К одной из существенных характеристик языка относится его структурный характер («продуктивность структуры»), т. е. способность ограниченного числа элементов языка (хотя и очень большого) сочетаться с еще более ограниченным числом правил сочетания, что позволяет «производить» бесконечный ряд речевых произведений. А это дает возможность носителю языка выражать любое мыслимое содержание, в том числе и такое, которое не закреплено за каким-либо отдельным словом. Таким образом, само наличие языка как у животных предполагает наличие абстрактного мышления и, следовательно, умение различать любые отношения, в том числе и причинно-следственные.

д) В сборнике есть и некоторые другие неточности принципиального характера. Вряд ли уместна опора на некоторые работы, в которых соотношение языка и мышления трактуется с идеалистических позиций: нельзя согласиться с тем, что язык «представляет собой питательную среду самого существования человека», что «язык... является непременным участником всех тех психических параметров (? — К. А.), из которых складывается сознательное и даже бессознательное поведение человека» (с. 12).

2) Не все убеждает также в оценке некоторых вопросов методологии современного языкознания.

а) Как пишет С. А. Васильев, лингвистика является наукой «гуманитарной по самой своей сущности» (с. 4). Если бы лингвистика не была бы одновременно и наукой «точной», то вряд ли С. А. Васильев мог бы утверждать на той же странице, что лингвистика «вторгается» в решение «различных практических и даже технических задач». Пафос всего сборника — и в этом его ценность — в том, что язык — строгая структура. А строгость структуры не может не быть признаком «точной» науки. Точность, разумеется, — не прерогатива математических методов. Точность — это объективность, адекватность отражения объекта, независимо от того, какими методами она достигается. Поэтому трудно согласиться с тем, что лингвистика стала точной наукой лишь после введения в нее математических методов, что «проникновение математических методов в науку о языке меняет сам стиль мышления» исследователя, «приводит к пересмотру принимавшихся ранее критериев точности, строгости, доказательности теоретических положений» (с. 3—4).

б) В этой связи нельзя согласиться с утверждением Н. П. Дарчук о том, что в настоящее время в лингвистике «наряду с неточными активно применяются точ-

ные методы» (с. 184). Мы склонны утверждать, что использование «неточных методов» в лингвистике нашего времени, как и в лингвистике прошлого, обусловлено лишь «неточностью» исследователя (а не метода), его недостаточной профессиональной квалификацией или неверным методологическим подходом.

в) Трудно безоговорочно согласиться с тем, что «лингвистика довольно поздно осознала зависимость эффективных методов исследования от теории, на которой они должны основываться» (с. 8). Между прочим, отсутствие теории тоже есть своего рода «философия», постулирующая зависимость эффективности методов от отсутствия теории: чем меньше теории, тем эффективнее методы. Например, стремление дескриптивистов к чисто формальным методам описания языка, базирующимся только на дистрибуции элементов, продиктовано именно «теоретическим нигилизмом» [9]. Беспомощность теоретической платформы, например, некоторых других направлений структурализма, выразилась именно в стремлении лишь к «деловому экспериментированию» [3, с. 35]. И «теоретический нигилизм, и «деловое экспериментирование», отражающие понимание языка как сети отношений, выражают тем самым определенную методологическую, философскую концепцию в языкознании. Поэтому, вопреки мнению С. А. Васильева, можно утверждать, что языковедение как наука — об этом свидетельствует вся история языкознания — пыталась опираться в конкретных методах, хотя и не всегда осознанно, на те или иные теоретические положения, что лингвистика всегда «осознавала зависимость» методов исследования от теории. Другое дело, что некоторые из этих теорий оказались ложными.

3) Сборник, именуемый в аннотации «монографией», полон противоречий при решении некоторых теоретических проблем языкознания, в частности проблемы соотношения языка, речи, текста, системы, структуры.

а) О языке и речи говорится, во-первых, как о двух параллельно существующих системах, хотя и не раскрыто их соотношение (с. 83, 199), во-вторых, как о разных подходах к изучению единого объекта, как о попытке найти в нем абстрактное и конкретное, возможное и реальное (действительное), потенциальное и реализованное, сущность и явление (с. 95, 98, 129). В-третьих, делая вывод о том, что «количественные характеристики единиц языка объективно существуют в языке и речи» (с. 105), фактически признается, что язык складывается из двух феноменов — языка и речи. В-четвертых, высказывается противоположная мысль: единицы языка существуют в речи (с. 188). В-пятых, в речи функционируют и единицы языка, и единицы речи, т. е. речь шире, чем язык, речь содержит в себе язык и речь (с. 188). В-шестых, язык рассматривается как порождающий механизм с конечным набором правил, который порождает бесконечное число единиц речи (с. 151). В-седьмых, речь — это «реализация языковой системы»

(с. 174). В-восьмых, анализируя «незаполненные клетки» в словообразовательных моделях языка, один из авторов сборника соотношение «язык — речь» отождествляет с соотношением «норма — узуальное употребление» (с. 142).

б) О соотношении языка — текста высказываются также разные точки зрения. Текст, согласно мнению некоторых авторов, — это нечто, в чем содержится язык, хотя и не раскрыто соотношение «текст — язык» (с. 17, 127). В одной из статей указывается, что «текст» состоит из «системы единиц текста» и из «системы единиц языка», причем первой системе (на примере анализа лишь одного предложения) отводится ведущая роль. Грамматика же (имеется в виду язык. — К. А.) играет незначительную роль в формировании предложения (лишь согласование существительного с прилагательным и эллипсис) (с. 148). У читателя возникает вопрос: какое явление (язык, мышление, речь, логика, психология, действительность?) обуславливает «порождение» текста? Оказывается, как пишет В. И. Критская, — «неязыковые факторы... например, описываемый в тексте фрагмент объективной действительности; индивидуальное мировоззрение автора; свойства речи и др. В результате взаимодействия различных факторов, только одним из которых есть язык (стиль? — К. А.), получается та линейная последовательность (звук, фонем, графем и т. п.), которую мы называем текстом» (с. 147). Мнение того же автора о том, что единицы текста — это явления, изучая которые, «мы познаем сущность языка (его систему)» (с. 149), противоречит тому, что им же высказано выше. Наконец, текст рассматривается «в качестве последнего этапа превращения в действительность возможностей, существующих в абстрактной и конкретных фонологических системах» (sic! — К. А.) (с. 127).

в) Полная непоследовательность обнаруживается в соотношении понятий: «язык — речь — текст — стилистика». Н. П. Дарчук, например, считает, что в речи функционируют единицы языка и единицы речи (с. 188). Но, с другой стороны, в тексте действуют законы речи, которые управляют сочетаемостью единиц в языковые цепочки (с. 189). Из этого тезиса вытекает, что речь — родовое понятие, которому подчинены два видовых понятия — текст и язык. В то же время отождествляется речь и стилистика, когда утверждается: эффективность количественных методов в стилистике объясняется тем, что речь — это явление, где действует большое количество факторов (с. 186). И, наконец, отождествляется стилистика и текст: «стилистику приходится рассматривать как объект (текст), который рождается скрытым от него механизмом» (с. 189). Из рассуждений Н. П. Дарчук следуют взаимоисключающие утверждения, вроде: 1) текст = речь, 2) стилистика = язык + речь, 3) стилистика = текст + язык, 4) текст = язык + речь, 5) текст = текст + язык, 6) стилистика = речь 7) стилистика = текст, 8) текст = текст

9) речь = речь. Ясно одно: ни сами эти термины, которые в сборнике лишены всякой определенности, ни эта «игра в термины» не только не раскрывают какие-либо новые сущностные стороны языка, но вносят определенную путаницу в науку о языке.

4) Некоторые положения сборника носят чисто декларативный характер. Об этом приходится сожалеть, ибо они касаются таких кардинальных понятий современной лингвистики, как система, структура, форма, содержание, знак, мышление, язык, речь, текст. Практические результаты исследований, которые легли в основу философских интерпретаций, фактически выполнены на более высоком научном уровне, чем их декларируемые философские основания. Стремление ликвидировать этот разрыв не преминуло выразиться в (а) претенциозности названий некоторых статей, (б) преувеличении достигнутых в них результатов, (в) преувеличении роли некоторых философских категорий в определении сущности языка.

а) Названия самого сборника и его некоторых статей, а также отдельные выводы претендуют на большее, чем то, что в них содержится. Например, И. Ю. Вербенко распространяет выводы своего исследования на все «состояние языка», в то время как они касаются лишь «состояния системы фонем» в конкретном языке (с. 127). Ценность статьи Н. И. Заплаткиной повысилась бы, если бы ее «глобальное» заглавие («Системный подход к изучению языковых явлений») имело более скромный вид: «Системный подход к изучению графемной структуры односложных слов в некоторых славянских языках». Думается, что нет нужды интриговать читателя масштабностью формулировок.

б) Некоторые авторы сборника считают своим долгом засвидетельствовать персональную точку зрения по тому или иному вопросу, мало заботясь о логических следствиях, вытекающих из их теорий. Во вступительной, философской статье С. А. Васильев пишет, что «категории мышления... осознано (разрядка наша. — К. А.) кладутся в основу исследования языка и речи» (с. 21). На самом же деле соотношение «языка» и «речи» в сборнике теоретически безнадежно запутано, а практически никакой роли не играет: все, что подлежит практическому анализу единиц (языка? речи? текста?), в сборнике взято из того же источника, из которого черпало свой эмпирический материал все прежнее (и сегодняшнее) языковедение, когда никто еще не был наслышан о дихотомии «язык — речь». Название второго раздела сборника («Система и структура языка и речи в свете марксистско-ленинской методологии») не во всем согласуется с его содержанием. Из содержания этого раздела неясно, что такое система и структура языка и что такое система и структура речи и каковы их соотношения «в свете марксистско-ленинской методологии». Неясно также, как конкретно в языке и как конкретно в речи (если они реально существуют) проявляются форма и содер-

жание, часть и целое, симметрия и асимметрия, которые рассматриваются как общие категории материалистической диалектики. Название этого раздела и, следовательно, сборника «повисло в воздухе».

в) При исследовании языковых явлений преувеличена роль симметрии в характеристике языковой структуры. Если и существует некоторая симметрия в языке, то лишь в фонологической структуре слов, и даже не слов, а лишь трехфонемных морфем (она ограничена лишь определенным чередованием «гласный — согласный» в трехфонемных морфемах). Во всем же остальном (в структуре подавляющего большинства слов, во всех предложениях, во всей грамматике, во всей семантике) господствует явная асимметрия, которую в общем-то и назвать «асимметрией» нельзя, поскольку она не проявляется на этих уровнях языка в виде свойства, в противоположность которому другое свойство характеризовалось бы признаком «симметрии». Нам кажется, что ни одна из сущностных характеристик языка не лежит в сфере «симметрии — асимметрии». Последние категории, разработанные диалектическим материализмом на материалах естественных наук, экстраполированы на язык, сущность которого, как известно, не естественного, а социального свойства.

Надо всячески приветствовать лингвистические работы, которые исследуют конкретные проявления наиболее общих законов природы, общества, мышления, познания в естественном языке. Однако данную попытку собрать под одной «крышей» разные лингвистические проблемы, объединив их общими философскими категориями, выйти за пределы «получшего эмпиризма» и посмотреть на факты языка с высоты философских обобщений, нельзя признать удачной. Здесь уместно привести слова известного французского лингвиста-коммуниста М. Коэна: «Особенно прискорбно видеть, как в кругах, занимающихся диалектическим материализмом, распространяется необдуманное пристрастие к вещам, которые совершенно определенно являются побочными продуктами чистого идеализма» [10].

Кривоносов А. Т.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языковедения. М., 1982.
2. Филлин Ф. П. Очерки по теории языковедения. М., 1982.
3. Панфилов В. З. Роль естественных языков в отражении действительности и проблема языкового знака. — ВЯ, 1975, № 3.
4. Филлин Ф. П. О некоторых философских вопросах языковедения. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языковедения. М., 1970, с. 9.
5. Маркс К. Капитал. Т. I. Кн. 1. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 67.
6. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, с. 143.,

7. *Выготский Л. С., Лурия А. Р.* Этюды по истории поведения. М.—Л., 1930, с. 119.

8. *Серебрянников Б. А.* К проблеме отражения развития человеческого мышления в структуре языка.— ВЯ, 1970, № 2, с. 40.

9. *Белый В. В.* Философские основы американской дескриптивной лингвистики.— ВЯ, 1977, № 2, с. 44.

10. *Cohen M.* Quelques notations historiques et critiques autour du structuralisme en linguistique.— La pensée, 1967, № 135, p. 36.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика Высшая школа, 1981. 208 с.

В рецензируемой второй части книги В. Г. Гака «Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис» (первая часть была посвящена морфологии [1]) обобщены результаты многолетних наблюдений автора, а также синтезированы новейшие достижения отечественной и зарубежной науки в области грамматической теории. В обеих частях «Теоретической грамматики» автор последовательно развивает функционально-семантическую точку зрения на грамматику французского языка. Он вскрывает полифункциональность грамматических форм, разграничивает ядерные (типичные, наиболее употребительные, основные) и периферийные языковые явления.

Синтаксис представляет наиболее сложный и противоречивый аспект грамматической организации языка, поскольку именно «сфере синтаксиса специально принадлежат те языковые единицы, которые непосредственно служат для общения людей и непосредственно соотносят сообщаемое с реальной действительностью, включая сюда как внешнюю, так и внутреннюю, интеллектуальную и эмоциональную сферу жизни» [2].

В синтаксической теории обнаруживаются значительные расхождения во взглядах, синтаксис выдвигает многочисленные теоретические проблемы, ставит исследователя перед необходимостью постоянного поиска новых методов и подходов к изучению языка. Французский синтаксис в этом отношении не представляет исключения. Развитие теоретического синтаксиса французского языка характеризуется столкновением, отчасти взаимопроникновением разных точек зрения, сочетанием разных подходов к теоретической интерпретации синтаксического строя.

Объединив все существующие тенденции в исследовании синтаксических явлений в три группы [структурный (формальный), логический и семантический подход] (с. 5), В. Г. Гак систематизирует и анализирует различные теории французского синтаксиса и освещает под этим углом зрения основные этапы развития теоретического синтаксиса французского языка. Он особо подчеркивает необходимость сочетания семасиологического аспекта синтаксического анализа (от формы синтаксических структур к их содержанию) с ономасиологическим (от выражаемых значений к способам их оформления), убедительно доказывая эффективность со-

Французского языка. Синтаксис. — М.:

четания названных аспектов синтаксического исследования.

Три первых раздела (главы) рецензируемой книги представляют введение в проблематику синтаксической теории. Здесь дается определение самого понятия синтаксиса, понятия синтаксических единиц, синтаксических значений и отношений, освещаются основные методы изучения французского синтаксиса, вводятся понятия модели и моделирования в синтаксисе. Следующие далее разделы (их девять) посвящены изучению проблематики словосочетания, простого предложения и его членов, сложного предложения, сверхфразового единства и текста как законченного полного сообщения. Наибольшее место (свыше 130 с.) отведено рассмотрению вопросов центральной единицы синтаксиса — простого предложения, его компонентов и типов, различных аспектов синтаксической и семантической структуры, организации в коммуникативном плане.

При отборе материала, его расположении и интерпретации В. Г. Гак руководствуется прежде всего принципом наибольшей важности и актуальности рассматриваемых вопросов. Не случайно поэтому так много внимания отводится проблеме сочетаемости слов и словосочетаний, семантическому согласованию компонентов синтаксических структур, актуальному членению предложения, отношению понятий общей и частной парадигмы в синтаксисе и т.п. Все эти вопросы требуют особенно глубокого понимания. Они активно разрабатываются в современной синтаксической теории на материале разных языков и в то же время ставят перед исследователями все новые проблемы.

Предмет детального и всестороннего рассмотрения в обеих частях «Теоретической грамматики» составляет проблема асимметрии плана содержания и плана выражения. В синтаксисе, как и в морфологии, автор различает асимметрию синтагматического и парадигматического плана. Та и другая связаны со способностью языковых единиц выступать не в своей первичной функции, а во вторичных функциях, характеризующихся несовпадением формально-структурного и семантического уровней. На примере конкретных случаев реализации синтаксических единиц и синтаксических структур в современном французском языке В. Г. Гак выявляет и обобщает факторы